

Дни в Пустоши казались тихими, но таили в себе смертельную опасность. Цзинь Хуа лежала в хижине из травы, которую подготовила для неё Лань Цюэ, укрывшись по горло чёрным Бессмертным Одеянием, а в ушах стоял свист ветра, гуляющего в щелях между стенами. Для неё это Одевание было единственным источником чувства безопасности. Защитный Барьер, который оно каждый раз исторгало в критические моменты, снова и снова вытаскивала её с самого края гибели. Цзинь Хуа никогда не задумывалась о том, откуда именно взялось это Одевание, и не могла понять, какая превратность судьбы заставила его снизить до неё.

— Быть может, Бессмертный Владыка Сымин и вправду сжалился... — тихо пробормотала Цзинь Хуа, кончиками пальцев легко оглаживая ткань Бессмертного Одевания и ощущая исходящую от неё слабую духовную силу. Чего она не знала, так это того, что эта защита исходила вовсе не от Сымина, а от куда более сокрытого существа.

Однажды на рассвете Цзинь Хуа решила выйти наружу, чтобы исследовать Пустошь. Накануне Лань Цюэ привела её к самому краю долины, указала на затянутый миазмами лес и предупредила:

— Не ходи вглубь, это не те места, куда тебе дозволено соваться.

Произнося это, птица-женщина поправляла свои яркие перья, а в её тоне сквозило немало хвастовства:

— Если бы не сила и свирепость твоей служанки, как бы это место продержалось все пятьсот лет?

Слушая Лань Цюэ, Цзинь Хуа на словах кивала в знак согласия, но в душе её снекало любопытство: что же скрывается в том лесу? Прихватив Бессмертное Одевание, она лёгким шагом приблизилась к границе тумана, желая отыскать что-нибудь полезное. Там, где туман клубился гуще всего, она расслышала слабый, прерывистый вздох.

Опустив голову, она увидела умирающего чёрного дождевого червя, который свернулся кольцами на земле. Этот червь был тощим, вытянутым и совершенно тусклым, казалось, ядовитые испарения Пустоши могли поглотить его в любую секунду.

Цзинь Хуа остановилась, и её взгляд приковался к червяку. Инстинктивно она отступила на шаг назад, настороженно разглядывая это с виду заурядное создание. И всё же, заметив его слегка дрожащее тело, она затронула какую-то мягкую струнку в глубине души.

— До чего же ты... уродливый, — со вздохом пробормотала Цзинь Хуа, но всё же бережно подняла червячка и аккуратно положила его в складку Бессмертного Одевания. Всмотревшись повнимательнее, она заметила в её взгляде мелькнувшую жалость. — Раз ты такой уродина, у тебя наверняка нет сородичей. Прямо как у меня.

Цзинь Хуа и не догадывалась, что этот с виду обычный дождевой червь на самом деле был

истинным обликом чёрного дракона Сюань Е. Во время жестокого противостояния Сюань Е получил тяжёлые ранения, его духовная сила почти иссякла, и ему пришлось принять столь ничтожный облик, чтобы укрыться в Пустоши — ради того лишь, чтобы сберечь жизнь и дожждаться часа, когда удастся восстановить силы.

Вернувшись в хижину, Цзинь Хуа бережно опустила червя на циновку, сама забралась в Бессмертное Одеяние и долго-долго вглядывалась в червяка.

— До чего же ты слабый, дожил до такого жалка вида, — не удержалась от вздоха Цзинь Хуа, после чего опустила глаза на собственные крылья и с горькой иронией усмехнулась про себя. — Впрочем... мы с тобой, пожалуй, одного поля ягоды.

Червь слегка изогнулся, словно отвечая на её слова. Цзинь Хуа удивленно посмотрела на него и легонько ткнула крылом.

— Ты что, понимаешь меня?

Червь никак не двинулся, но слабое дыхание, казалось, служило ей ответом.

Тут накатил голод, и в животе у Цзинь Хуа громко заурчало. Она посмотрела вниз на своё тщедушное тельце, затем на этого еще более тщедушного червяка, и её внезапно охватила лёгкая растерянность.

— Ты ведь тоже голоден? Но что тебе вообще положено есть?

Поразмыслив немного, Цзинь Хуа сорвала клювом травинку в Пустоши, сперва сама пожевала её, а затем поднесла ко рту червя.

— На, ешь. Кормить тебя больше нечем, — она осторожно протолкала разжёванный кончик травинки червяку в рот, действуя неуклюже, но с огромным терпением.

Червь медленно втягивал травяной сок, и его тело слегка вибрировало — казалось, он выражает признательность за тепло этой пищи.

Цзинь Хуа улыбнулась, и в её улыбке сквозило давно позабытое утешение.

— А ты тоже неплохо стараешься выжить, прямо как я.

День за днём Цзинь Хуа по утрам отправлялась наружу за травой, пережёвывала её и по кусочку скармливала червяку. Постепенно тельце червя перестало быть таким тощим и вытянутым, округлилось, а тусклый прежде покров вновь обрёл едва заметный живой блеск.

— Ай да ты, прилично так отъелся! — Цзинь Хуа подперла подбородок рукой и внимательно оглядела червя, а в её голосе звучало законное чувство гордости. — Выходит, во мне и впрямь дремлет талант к воспитанию детей.

Червь, казалось, отлично понимал её слова: он слегка сжался, а затем плавно вытянулся, будто выражая согласие.

Цзинь Хуа прыснула со смеху и легонько шлёпнула крылом червя по спине.

— Раз мы оба такие уродины, значит, отлично друг другу подходим. С сегодняшнего дня ты будешь моим «сыночком», а я уж постараюсь откормить тебя до черна и пузатости!

Пусть дни тянулись однообразно, в сердце Цзинь Хуа постепенно зарождалось неведомое прежде тепло. Лань Цюэ каждый день с громким смехом объявлялась возле хижины, принося ей обрывки каких-то сплетен и новостей, тогда как дождевой червь стал её неизменным ежедневным спутником.

Однако Цзинь Хуа всё никак не удавалось совершить Принятие человеческого облика. Каждые несколько дней она брала оставленный Лань Цюэ кинжал и неуклюже соскребала только что проклюнувшиеся на лбу перья. Ей не хотелось снова видеть это багровое родимое пятно — печать Фэн У. Это было её позором, самым страшным прошлым, с которым она не желала сталкиваться.

Существование Бессмертного Одеяния служило для неё опорой. Стоило ей ощутить усталость или страх, как исходивший от Одеяния лёгкий аромат неизменно возвращал ей душевное спокойствие. Она неизменно верила, что это проявление милосердия Бессмертного Владыки Сымина, то малое утешение, что он оставил ей на память.

<http://bllate.org/book/21091/2141962>